

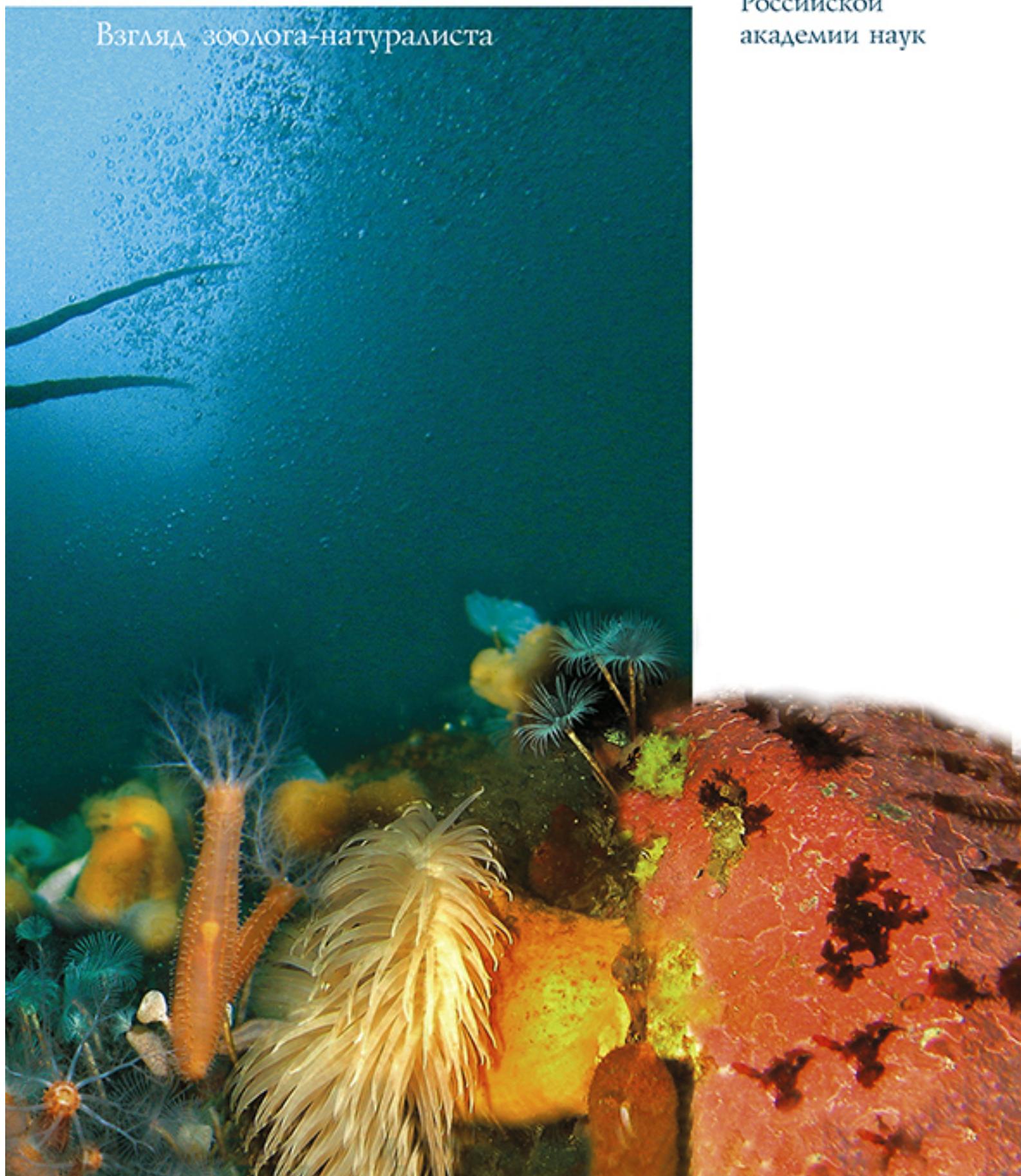
Разнообразие животных №7

Записки водолазного старшины

Взгляд зоолога-натуралиста

Зоологический
институт
Российской
академии наук

Разнообразие животных

Сергей Гагаев

**Записки водолазного старшины.
Взгляд зоолога-натуралиста**

«Товарищество научных изданий КМК»

2012

УДК 597.2+82-4
ББК 28.693.32

Гагаев С. Ю.

Записки водолазного старшины. Взгляд зоолога-натуралиста
/ С. Ю. Гагаев — «Товарищество научных изданий КМК»,
2012 — (Разнообразиие животных)

ISBN 978-5-87317-841-4

Об удивительном подводном мире, особенностях жизни и поведении беспозвоночных и позвоночных животных – обитателях Арктики и Антарктики: губках, многощетинковых червях, моллюсках, ракообразных, иглокожих, асцидиях, рыбах, птицах, тюленях, а также экспедиционной работе водолазов-биологов рассказано в этом выпуске серии «Разнообразиие животных». Книга предназначена школьникам, учителям, студентам биолого-медицинских факультетов, любителям природы, романтикам, искателям приключений, водолазам, любителям экстремальных видов спорта.

УДК 597.2+82-4
ББК 28.693.32

ISBN 978-5-87317-841-4

© Гагаев С. Ю., 2012
© Товарищество научных изданий
КМК, 2012

Содержание

Предисловие	6
Мелодии моря в арктических ритмах	7
У обрыва	7
Уха из гольца	18
Полёт на водолазной раме или ода пескожилу	21
Скала Кыргыз	25
Короткий рейс в пролив Лонга	27
Мура	30
Голодная чародейка	32
О Немертее – сестре Галатеи, дочери морского царя Нерея	33
Жуткая история	35
Эол из аквариума	36
Сила есть – ума не надо?	38
Подарок грозного шторма	39
Леность, передаваемая по наследству	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

С. Ю. Гагаев
Записки водолазного старшины.
Взгляд зоолога-натуралиста

© С. Ю. Гагаев, текст, 2012

© Т-во научных изданий КМК, 2012

* * *

*Посвящается памяти Александра Николаевича Голикова, моего
учителя, замечательного ученого – хорошего человека*

Предисловие

В одной очень любопытной книге¹ я прочла, что психологом были объединены в одну группу люди: сумасшедшие, заключённые и космонавты. Все якобы потому, что только сумасшедший согласится на такую жизнь и работу, как у космонавта...

Раз так, то я включила бы в эту группу еще и водолазов-биологов, которые опускаются под лёд в арктических и антарктических морях ради науки, изучающей морское население холодных акваторий. Никто их туда не гонит, никто не грозит увольнением с работы, если будут нырять... жены не грозят разводом... и даже, если пригрозят, они все равно будут опускаться под лёд, собирать фауну, а потом, вынырнув, будут сидеть на морозе, или в дико неудобных условиях лаборатории и разбирать поднятые с глубины пробы, раскладывать их в банки по принадлежности и затем, предвкушая итоговые результаты, везти этот бесценный багаж в центр научной цивилизации, где их по большому счёту никто, кроме семьи, конечно, не ждёт... А некоторые даже считают, что прогулялись, мол, поныряли в ущерб основной работе, теперь будут догонять, выполняя плановые темы. Им не платят за риск и героизм, их не обеспечивают нормальным питанием и оборудованием, о них не думают как о людях, идущих на подвиг, не пишут в газетах, не встречают с оркестром по возвращении, не награждают звездами героев. И слава богу, что в итоге они остаются живыми (ценой собственных усилий!), хоть и приобретают со временем адекватные профессиональные болезни.

Книга, которую читатель держит сейчас в руках, об этом. О работе этих людей, о природе арктических и антарктических зон Земли, о подводном мире этих зон. Написана она с юмором и может показаться, что всё, происходящее с энтузиастами-подводниками, очень весело и легко. Но вдумайтесь в прочитанное, в то, как водолаз, опускаясь вглубь, на 40 м под лёд, собирая пробу, не имеет права опаздать хоть на минуту, иначе кончится запас воздуха, должен всё время следить, чтобы не потерять из виду спасительный выход – майну, где его ждут товарищи. А потом, выйдя на поверхность, усталый, он должен тащить на себе салазки с пробами и оборудованием, иногда в гору, при том, что нет никаких сил и хочется смертельно спать. Так бы и лёг на этой горюшке и отключился бы на часок-другой. Но нет, он приходит в дом под смешным названием «Черепеха», где нет водопровода и туалета, где деревянный, накрытый плёнкой стол и досчатые нары (на них водолазы спят...) и садится разбирать пробы, которые еще надо зафиксировать, а то пропадут все усилия по сбору. И только потом, потом поесть и ещё потом завалиться спать. А утром – все сначала. Долбить эту чёртову майну, уставать ещё до погружения, усталому идти под лёд, выбирать площадку для сбора материала и при этом следить, следить, следить за временем, за воздухом в акваланге, за концом, который связывает тебя с поверхностью, за майной (где же она? а, вот!). Разве такая, на пользу науке работа не называется подвигом?!

Хочется крикнуть: «Эй, Государство! Подумай о своих гражданах, чей неуёмный энтузиазм на пользу твоей науке даёт ощутимые результаты! Итоги впечатляют академиков во время отчётных докладов с высокой трибуны! Подумай, позаботься о них и создай хотя бы минимальные условия для их работы и жизни – одень, обувай достойно и накорми героев, как подобает».

Гимн Вам, безумцы-энтузиасты! Будьте всегда в форме и работайте, хоть и бескорыстно, на нашу с вами науку. Успехов Вам!

С. Д. Степаньянц

¹ Батурий Ю. 2011. Повседневная жизнь российских космонавтов. М.: Молодая гвардия.

Мелодии моря в арктических ритмах

У обрыва

*Как дороги друзья, ты узнаешь
Расставшись с ними.
Лишь тогда поймёшь,
Что не найти аналогов –
Всё тщетно:
Их Бог даёт,
Увы, не всем и неохотно.*

1

День пропадал. Вместе с ним пропадала надежда на выход в море: она захлёбывалась в бело-жёлтых волнах прибоя, которые бросал на галечный берег бухты шквальный ветер по имени Южак; разбивалась с солёными брызгами о стены близстоящих домов; умирала с уходящими минутами. С отчаянным рёвом ветер врвался в узкие проходы между домами, веселил души и отдавался болью в головах горожан.

Катер «Вуквол». Фото. С. Гагаева.

О выходе в море нечего было и думать: портнадзор явно не позволит выйти дальше акватории порта, если даже упрашивать дежурного, стоя на коленях, тридцать с лишним метров в секунду – не шутка. До окончания экспедиционных работ оставалось немногим более полумесяца. Это катастрофически мало, если учесть, что почти столько же времени, отведённого на исследование Чаунской губы, уже потрачено. Шеф, для которого безделье, даже вынужденное, всегда ассоциировалось с концом света, был мрачен. Он перестал воспринимать шутки и, то и дело, спрашивал у кого-нибудь из нас:

– Когда же этот чёртов ветер утихнет? – и, прислушиваясь к порывам, непрестанно курил «Беломор».

Капитан небольшого железного катера «Вуквол», предоставленного нам для морских исследований, наблюдая нашу вселенскую тоску, переходящую в отчаяние, хмурил брови и грел руки о кружку с крепким чаем. В кубрике было тепло и уютно.

– А что если мы поработаем у мыса Певек? – неожиданно спросил он. – От ветра там хорошо прикрывает берег, да и разрешения на выход не надо, ведь местечко-то фактически на акватории порта.

Капитан катера Сергей Леонидович Гирбасов. Фото С. Гагаева.

Борис, отвечающий за погружения, спросил с сомнением, обращаясь к капитану:

– Сергей Леонидович, а что же, там совсем тихо?

– Ну не совсем, но работать, я полагаю, сможем.

Наш восторг, вызванный таким решением проблемы, описать трудно. Через полчаса катер уже отходил от причала.

По дороге казалось, что нашу резиновую пятиместную лодку вот-вот смоеет, хотя мы знали, что она крепко принайтвлена на корме. Минут через 15–20 катер поравнялся с обрывистым берегом. Под его прикрытием качка прекратилась. Власть Южака на время, которое мы будем находиться здесь, кончалась. Чувствовались только отголоски его буйства. Мы встали на якорь примерно в 120 метрах от берега. Несколько дальше ветер свирепствовал с прежней силой и гнал барашки в сторону острова Большой Раутан.

2

Прежде чем спускать водолаза для отбора количественных проб, обычно проводится разведка. Она состоит в том, что ныряльщик пересекает всё расстояние от берега до предельных глубин и решает, где нужно отобрать пробу.

Место определяется рядом факторов, главный – типичность ландшафта. Это нелёгкое дело под силу человеку выносливому и физически крепкому, к тому же необходимо обладать немалым опытом, чтобы сделать верный выбор. Обычно эту миссию выполнял Шеф – один из основоположников водолазного количественного метода².

Чтобы обезопасить работающих от всякого рода непредвиденных случайностей, которые кажутся на суше пустяками, а на море и, особенно под водой, превращаются в реальную угрозу для жизни, было решено привязать один конец верёвки к камню на берегу, а другой закрепить на катере. В этом случае никакой, даже самый неожиданный и сильный порыв ветра не застигнет врасплох.

В кормовом отсеке нашлось две бухты крепкой пеньковой верёвки. Привязав один конец к лееру, сбросили лодку за борт. Олег, удерживая «клипер» на привязи, дождался, пока Борис перебрался в него, и оттолкнулся от борта.

Готовя небольшой трал, мы с Виктором находились на корме катера и следили за тем, как двигается лодка. Тянувшаяся следом за ней верёвка с каждым метром затрудняла ход и оставляла за кормой пенный след. Несмотря на прикрытие, Борису приходилось грести изо всех сил. Вот он на короткое время остановился, чтобы снять тёплую куртку, и лодку быстро поставило бортом к волне. Борис незамедлительно вернул её в прежнее положение и с новой силой налёг на вёсла. Есть что-то необыкновенно притягательное в стремлении лодки навстречу волнам: движения гребца размеренны и рассчитаны до деталей; от этого зрелища нельзя оторваться.

² Метод основан на сборе животных различного размера с соответствующих площадей по пирамидальной схеме: 0,1; 1; 5; 10 м² и т. д., что позволяет наиболее точно оценить реальную картину количественного распределения донных животных.

Александр Николаевич Голиков – основоположник водолазного количественного метода. Фото О. К. Новикова.

Из-за сгона море довольно сильно отступило, и была видна узкая бурая полоса обнажившихся водорослей, да крупные, с позеленевшими боками, сланцевые глыбы. Каменистый берег упирался в обрывистый, мрачный, с ржавыми пятнами склон. Склон выглядел, словно слоистый торт, одну сторону которого нечаянно сплющили и коржи от этого сместились наискось в направлении неповреждённой стороны. Казалось, что этот обрывистый берег незыблем, нетронут и был таким со дня творения. Но так только казалось. К тому же, что свойственно воспринимать человеку? Разве не одни только изменения? Наверху, неподалёку, когда-то был вход в штольню и как раз под ним, наполовину погружённая в воду, валялась ржавая зековская тачка. Сколько миров, желаний, надежд погибло здесь?

Наконец Борис достиг берега и вытянул лодку на камни. Затем он отвязал верёвку и, обмотав её несколько раз вокруг большого камня, надёжно закрепил. После этого, спихнув

«клипер» в воду и взявшись за находящийся в воде конец, выгнутый огромным луком, стал передвигаться по направлению к катеру. Обратный путь занял значительно меньше времени – попутный ветер здорово помогал, а отсутствие верёвки-якоря не мешало движению.

Олег и Шеф были полностью готовы к тому времени, когда подошла лодка. Они быстро передали Борису всё необходимое оборудование и осторожно перебрались в столь внешне ненадёжную посудину. Несмотря на значительную загрузку, судёнышко двигалось быстро и споро, под действием тяги силой в шесть рук, достигло берега. Причалив, они вытянули лодку на гравий и стали готовиться к погружению. Шеф обрядился в жёлто-чёрный костюм «Садко» ещё на катере. Теперь нужно было надеть шлем, который почему-то называют «балдой».

Вряд ли тот, кому приходилось одевать «балду» на голову, сохраняет об этом приятные воспоминания. Шеф нагнулся к воде, зачерпнул немного в ладонь, чтобы смочить стекло маски. Затем он должен был непременно плюнуть на стекло и протереть его рукой в резиновой перчатке, чтобы оно в дальнейшем не запотевало. Мы не могли видеть всех деталей, но твёрдо знали, что ритуал будет соблюден. После чего шлем водрузили на голову водолаза, который стоял во время этой процедуры, широко расставив ноги и слегка наклонившись вперёд, будто собирался бодаться. Это был самый неприятный момент, – одевающемуся нужно было, изловчившись, просунуть голову внутрь и поймать зубами загубник. С помощью резинового обруча плотно прижали нижний край шлема к шейному кольцу, которое вблизи очень напоминает ошейник раба. Со стороны все выглядело так, словно Олег и Борис замыслили погубить Шефа, а он, повинувшись инстинкту самосохранения, всеми силами стремится им помешать. Далее настала очередь акваланга; его быстро надели на спину, пристегнули ремнями и присоединили дыхательную трубку к шлему. В довершение на поясе закрепили свинцовый груз и страховочный фал.

Олег Константинович Новиков – техник по водолазному оборудованию. Фото В. В. Потина.

Борис набрал в ласты воды, а Шеф надел их. Олег, не выпуская ни на секунду страховочного конца, уселся на носу лодки. Борис, оттолкнувшись от берега, легко заскочил в неё и устроился на вёслах.

В обязанности Олега входило внимательное наблюдение за сигналами, которые будет передавать водолаз, и отслеживание его движения по пузырям выдыхаемого воздуха. Естественно, что он сам мог подавать сигналы ныряльщику, если в том была необходимость.

3

Взяв у Олега маленькую мерную раму, к краям которой были привязаны брезентовые ведра с крышками и сетчатым дном – питонзы, Шеф, осторожно ступая, зашёл по пояс в воду и, удерживая страховку в левой руке, исчез под зеленоватой поверхностью моря.

Находящимся на поверхности было видно, как быстро двигалась лодка. Под прикрытием берега юго-восточный ветер поднимал слабую волну и помогал движению.

Я почему-то вспомнил о том, что рассказывал Шеф накануне. Представил на его месте себя, на гравии бухты Круглой в Белом море, прижатым ко дну осевшим из-за отлива припайным льдом. Почувствовал, как медленно холодеют пальцы, обжатые прорезиненной тканью скафандра; в памяти живо возникли фрагменты кошмарного сна, когда-то виденного мной. Я будто бы пробираюсь по бесконечной, постепенно суживающейся трубе, далеко впереди свет, но труба все уже и уже... Жутко. Всё труднее двигаться, тело плотно сдавлено со всех сторон. Душно. Желание одно – вырваться, но нечем дышать, нет больше места для движения вперёд... но можно проснуться. А что можно сделать, когда придавлен льдом и воздух в баллонах на исходе?

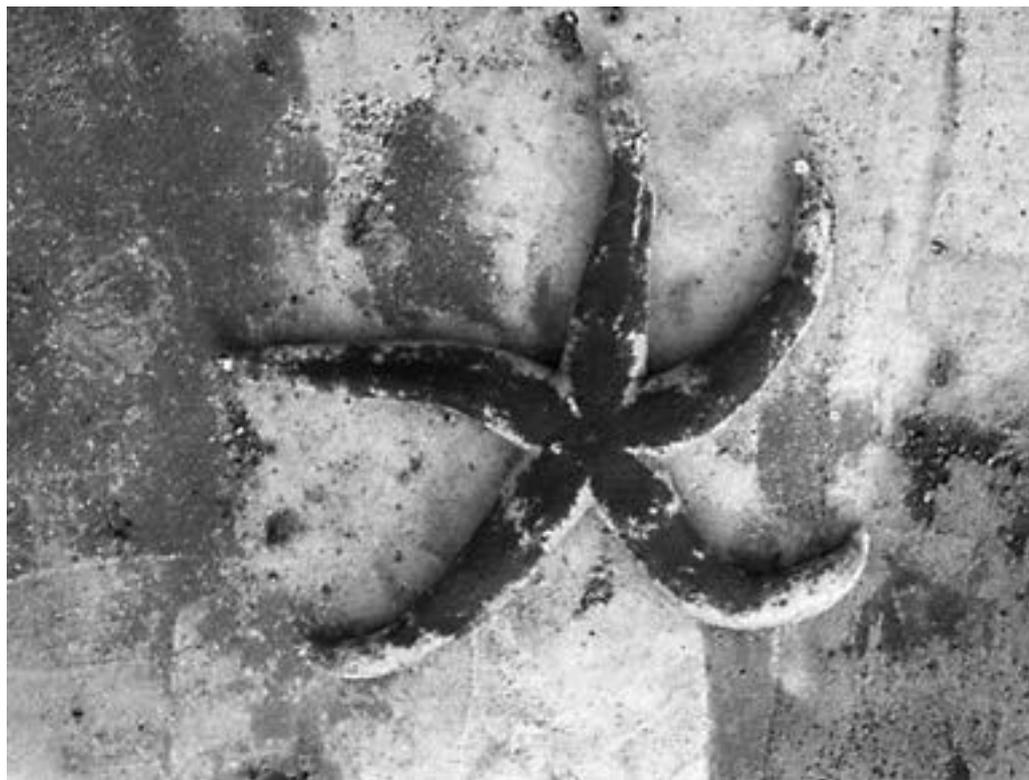
– Олег, как там дела, – спросил я.

– Нормально, тянет всюю.

Трудно не поддаться животному чувству самосохранения и не стремиться высвободиться из плена скорее, не слушая доводы разума. Ведь этот древнейший рефлекс, как ни парадоксально, губителен в данном случае – активные движения только быстрее израсходуют воздух в аппарате, вот и всё. Но легко рассуждать об этом, находясь в полной безопасности. Попробуй-ка собраться и медленно, очень медленно высвободить вначале одну руку, а затем другую, зная, что над тобой ледовая крышка, а воздуха в обрез. Не торопиться, когда вся твоя обузданная дикая суть требует спешки. Выжидая и задерживая дыхание до темноты в глазах, когда каждая клеточка жаждет кислорода, сначала по камешку, разрывая грунт под собой, подобно кроту, прорыть неглубокий тоннель и выйти из ледовых объятий. Смог ли бы я так? Не знаю!

Когда «клипер» почти подошёл к катеру, Олег крикнул:

– Поднимается! – и начал быстро выбирать верёвку. Мы увидели жёлтые фрагменты скафандра примерно с глубины три метра от поверхности. Шеф вынырнул с шумом, как большой разноцветный тюлень, удерживая в правой руке крупный пурпурного цвета предмет, который бросил на дно лодки. Затем он взял из рук Олега пробоотборник для мейобентоса и скрылся под водой, чтобы спустя короткое время вынырнуть снова.

Морская звезда *Henricia beringiana*. Фото В. В. Потина.

Пока Шеф отдыхал, держась за веревочный леер и прислонившись к влажному борту, Олег передал нам морскую звезду пурпурного цвета, пятилучевую, всю в пупырышках и respectable, как член парламента. Виктор сбегал за линейкой, и мы её измерили. Она составила 20 сантиметров в поперечнике. Все очень удивились, потому что не ожидали встретить такой большой экземпляр. Впоследствии выяснилось, что звезда принадлежит к виду *Henricia beringiana* и встречается в морях Тихого океана, а для Арктики такая находка была необычной.

Тем временем Шеф с помощью знаков, понятных, вероятно, только ему и Олегу, попросил опустить раму, как стало понятно по следующим действиям и, переключившись на аппарат, ушёл под воду, окатив брызгами сидевших в лодке.

Закончив со снастями, мы с Виктором ещё раз рассмотрели звезду, и Слава сделал несколько снимков на цветную фотоплёнку. Потом подошли к борту, где стоял капитан и матрос, которого тоже звали Виктор. Олег покуривал «Беломор» и переговаривался с Борисом.

– Шеф устал, – сказал он, указывая на пузыри, поднимающиеся почти непрерывно, – дышит часто.

– Ещё бы не устать, – согласился Борис, – он так тянул лодку, что я едва поспевал за ним.

После того, как Борис и Олег втянули Шефа в лодку и, отстегнув акваланг и пояс, сняли, наконец, «балду», мы увидели усталое лицо и слегка пьяные от переутомления глаза.

– Очень богатый участок. Звезду видели? – первым делом спросил он.

– Видали. Весь аппарат съел, – проворчал в ответ Олег, проверяя давление в акваланге. – Разве так можно! Почему на сигналы не отвечал? Я, было, собрался тащить.

– Я бы тебе вытащил! Дай лучше закурить, – Шеф с удовольствием затянулся папиросой.

– Не забудь, Александр Николаевич, – пробурчал Олег, гася спичку, – на берегу отдашь две.

Ни Олега и уж, конечно, Шефа никто и никогда не мог бы упрекнуть в жадности. Впервые столкнувшись с этим странным законом, зная, что и тот, и другой в обычных условиях одал-

живали друг у друга курево и раздавали папиросы каждому, кто хотел закурить, разумеется, я очень удивился и попросил Олега объяснить, почему так заведено. Но Шеф, находившийся рядом, опередил:

– Мы с ним давно договорились, что в море тот, кто стреляет, отдаёт за одну папиросу две. Только этот злодей постоянно наживает на мне, ведь у меня папиросы скорее кончаются.

4

Борис, облачившись в легководолазный костюм, с нашей помощью надел шлем и с предосторожностями был препровождён в лодку. Мы передали туда же акваланг. Олега сменил сын Шефа – Алексей, а место на вёслах занял «Наш Ильич». Он был молод, ещё студент, мы звали его так в шутку, и обладал удивительно лёгким характером. Его улыбку по утрам можно было принимать вместо лекарства от дурного самочувствия.

Пока мы помогали Шефу разоблачиться, лодка подошла к месту отбора и Борис, откинувшись назад, бултыхнулся в воду.

Пока Борис выполнял работу, мы рассматривали диковины, которые достал со дна Шеф. Не менее, чем пойманная звезда, нас удивили две крупные розовые актинии, с трудом поместившиеся в десятилитровом ведре. Каждая достигала более 15 см в поперечнике, а в высоту – около 10 см. Постепенно актинии раскрылись и выставили щупальца, очень похожие на пальцы новорождённого. Полупрозрачные тела морских анемонов были в действительности более прочными, чем казались и, трогая их поверхность, можно было убедиться в упругости и надёжности поверхностного покрова. В Арктике актинии – не редкость. Здесь встречается довольно много видов, достигающих самых различных размеров – от малюсеньких и невзрачных до внушающих уважение, вроде тех, какие попали к нам на палубу. Вначале мы отнесли их к роду *Tealia*, но в дальнейшем они были определены, как *Actinostola callosa*.

Тем временем в лодке произошло оживление – «Наш Ильич» вытащил раму и отвязал питонзы, бросив их на фанерное дно лодки. Далее Алексей помог поднышавшему на поверхность Борису переключиться на атмосферный воздух. Затем лодка, довольно медленно передвигаясь вдоль верёвки, подошла к месту последней на сегодня станции...

5

После того, как с водолазными сборами было закончено и все непосредственные участники этих работ были благополучно приняты на борт, мы отошли подальше от берега, чтобы протралить дно на глубинах от 15 до 20 метров и взять там же дночерпательные пробы. За время, пока мы стояли на якоре, ветер не потерял своей мощи, а может быть, даже несколько усилился. Из-за дрейфа катера и сильной волны нам долго не удавалось зацепить должное количество грунта лёгким пробоотборником. Но наше упорство в конце концов было вознаграждено и мы получили то, что хотели.

Шеф, несмотря на только что выполненную тяжёлую работу, принимал живейшее участие в палубных делах.

Участники экспедиции Виктор Владимирович Петряшев и Алексей Александрович Голиков. Фото В. В. Потина.

Он с такой силой тянул верёвку тралы, что рядом с ним я ощущал себя слабосильным ребенком. При этом он во весь голос распевал шэнти с не совсем приличным текстом, чем привёл всех стоящих рядом в безудержное состояние веселья. Вскоре и Борис, переодевшись, поднялся на палубу, чтобы присоединиться к нам.

Когда мы с Виктором принялись за промывку последней пробы, катер лёг на обратный курс. Хотя судёнышко «валяло» основательно, это как будто не мешало всем нам делать своё дело, да и окружающий мир приобрёл какие-то особые весёло-розовые оттенки. Даже вкус дыма из трубы катера почему-то стал отдавать «капитанским» табаком. Город, освещённый, казалось, медным и надраенным до блеска солнцем, выглядел прозрачным и чистым. Он жил одной жизнью с нами и морем.

У причала нас встретили моряки со стоявших тесным рядом катеров и буксиров.

– Слава Богу! – вместо приветствия сказал один из них. – Вернулись, наконец. А то один из ваших раза три прибежал – боялся, что потонули.

В машинном отделении, напоследок возвысив голос, замолчал двигатель. Капитан поблагодарил всех за работу, и мы, распрощавшись с командой и захватив фляги и ведра с собранным материалом, побрели в лабораторию. Нам предстояла обработка проб, которая будет длиться не один день. У нас было всё, что делает людей счастливыми.

6

Беснуется Южак, его истерика отлично слышна в лаборатории. Повадки ветра (если, конечно, правомочно говорить о ветре таким образом) за прошедшие годы не поменялись. Не изменилось и население залива. Я смотрю, как в аквариуме распускается розовая актиния *Stomphia coccinea*, близкая родственница той, какую достал со дна тогда Шеф, только поменьше размером. Взяв кусочек мороженой ряпушки, подношу его к анемону на кончике «копья». Едва касаюсь щупалец, и наживка схвачена – на глазах «цветок» превращается в «плод» – бледно-

розовый «помидор»: миллионами лет заучено и закреплено это движение. Рушатся империи, умирают города, вылетают в трубу банки, меняется лик планеты, но вопреки всему растения синтезируют сахар и выделяют кислород, а животные поедают растения и себе подобных. Ещё кусочек достаётся более скромной, сизого цвета хищнице.

Почему-то Южак теперь не веселит, как прежде. Он лишь швыряет снег в окна домов и отдаётся болью в голове. В стекле аквариума отражается уличный пейзаж. На берегу в гаражах ржавеет брошенная техника, дома зияют провалами выбитых окон; на рейде, когда-то оживлённом, нет ни одного судна. Ветер бешено хороводит с мусором. Не видно прохожих. Город, некогда полный жизни и желания трудиться, будто бы погружён в тяжёлый длительный сон. Он не один такой в Арктике. Его плоть – набережную, нервно, как мать потерявшегося и вдруг найденного щенка, лижет море. Как хотелось бы проснуться...

Уха из гольца

Моряк, это не только тот, кто ходит по морю. Практически все, кто изучает жизнь моря, считают себя моряками. Распространено мнение, что моряки к тому же народ суеверный. Уверяю вас, что это не совсем верно. Во всяком случае, я суеверием не страдаю. Что привести в доказательство? Ну, например, я спокойно продолжаю идти по своим делам, если дорогу мне перешла чёрная кошка или навстречу попалась женщина с пустым ведром. Какие предрасудки! Ведь известно, что достаточно скрестить пальцы в кармане или трижды плюнуть через левое плечо, и всё тебе нипочём. Можно ли выходить в море в понедельник, да ещё тринадцатого числа, свистеть, находясь на судне или плевать за борт? Ну, уж это слишком! Конечно, ни в коем случае! Это никакое не суеверие, а доказанный неоднократно факт. Если нарушаешь правило, будь готов к неприятностям.

Однажды получилось так, что выход нашей экспедиции в море пришёлся-таки на понедельник, да ещё тринадцатого числа. Мало того, на борту небольшого катера оказалось ни больше, ни меньше, а ровно 13 человек. Ну, как нарочно! Погода стояла изумительная. Полный штиль. Море – как зеркало. Но наш капитан был явно не в духе, можно даже сказать, что у него было плохое настроение (что само по себе – большая редкость). Находясь поблизости, я слышал, как он сдержанно проклинал понедельник и неладное число. Когда же он увидел, что на катер зашла наша черноглазая лаборантка, чтобы пожелать нам удачи, его настроение просто перестало существовать (как выяснилось позднее, капитан считал её, и явно не без основания, ведьмой). У всех остальных настроение было превосходное. Мы шутили, обменивались впечатлениями, насвистывали весёлые мелодии – радовались хорошей погоде, в Арктике на это – особые причины.

Вначале всё шло великолепно: мы благополучно добрались до места, удачно отработали, зашли в устье реки, высадили на берег трёх наших товарищей для работы на биостанции и разжились двумя замечательными гольцами. Голец, как известно, относится к семейству лососевых. В Чаунской губе встречается три вида гольцов: голец Таранца, мальма и арктический. Кстати, гольцы есть не только в Северном Ледовитом океане и сопредельных морях, но и в озере Байкал, конечно, другого вида. Питаются гольцы молодью рыб сайки, песчанки, бычков и ракообразными. Гольцами питаются млекопитающие: белуха, человек и пр. Мясо гольца розового цвета, нежное, особенно хорош голец малосольный, но жареный и вареный тоже недурён. Голец рыба проходная – во взрослом состоянии обитает в море, нагуливается, а на нерест – в августе и осенью, идёт в реки. Молодь обитает в пресной воде 2–4 года, а затем скатывается в океан, где проводит около 4–5 лет. Считается, что зимовать голец также заходит в реки, потому что пресная вода теплее. Встречаются девятисантиметровые экземпляры при весе 9 кг (бывали случаи вылова 15-килограммового гольца; честно признаюсь – я таких не ловил). Рыба – голубоватого цвета с розоватым отливом, покрыта тёмными пятнами, чешуя мелкая и мягкая.

Гольцы. Фото В. В. Потина.

Мы сварили гольцов в большущей кастрюле, съели по тарелке вкуснейшей ухи и, пребывая в благодном расположении духа, приближались к мысу Матюшкина. Тем временем погода резко испортилась. Закрепив всё по штормовому, мы разошлись по своим местам. Дежурные по камбузу студенты Миша и Лёша закрепили кастрюлю с недоеденной ухой (лучше бы мы её доели), привязав её к плите кончиком верёвки.

В душном, жарко натопленном и прокуренном кубрике в носовой части катера качка переносится труднее. Не верьте тем, кто утверждает, что не укачивается вовсе. Укачиваются все без исключения – находиться в колебательном движении противоестественно для человека. Правда, все по-разному реагируют на качку. Я бы классифицировал людей по этому случаю на две группы. Одни во время качки стараются освободить от съеденного желудок, другие страдают от неумного аппетита. Привыкнуть к качке, как и к комарам, невозможно. Можно отвлечься, лучше всего работой. Однако есть люди, которые вообще не переносят волнения. Один мой знакомый укачивался уже на берегу, глядя, как волнуется морская поверхность. Другая крайность – индивидуумы, которые могут легко переносить самый жестокий шторм, классический пример – Иван Александрович Гончаров; по мнению экипажа фрегата «Паллада» он имел «морские ноги».

Погода совершенно испортилась, сизые море и тучи, снег с дождём, пронзительный северо-западный ветер в порывах до 27–30 метров в секунду, на палубу не выйти, да и нельзя – смочет мгновенно, видимость скверная; крепко привязанная на корме резиновая оранжевого цвета лодка трепещет и безуспешно стремиться взлететь. Рулевой держит катер носом на волну но, несмотря на полный ход, мы фактически остаёмся на месте. Движимый приступом чудовищного аппетита я, вспомнив об ухе, поднялся наверх, в малюсенький камбуз. Там царил

кромешный порядок. Кастрюля висела на тоненькой верёвке, издавая ритмичные лязгающие звуки, а её содержимое, словно перемолотое мощным миксером, тонким и удивительно ровным слоем покрывало пол, стены и потолок помещения; лучшего места для получения производственной травмы вряд ли можно найти. Но я каким-то чудом преодолел опасное место и, открыв дверь в рубку, с трудом втиснулся внутрь. Там было тесновато. Стоящий за штурвалом помощник капитана как раз рассказывал перебравшимся сюда из кубрика членам экспедиции увлекательную историю о том, как он тонул в Карском море. Обретя в моём лице ещё одного благодарного слушателя, он приветливо улыбнулся. В этот момент катер развернуло и положило на борт. К счастью, он почти тут же выровнялся, а штурвал бешено закрутился под рукой помощника и судно вновь стало носом на волну. При полном нашем молчании помощник капитана меланхолично резюмировал происшедшее, кивнув при этом на прибор, показывающий крен судна во время качки: «Ещё четыре градуса, и закат».

Мы счастливо переждали тот шторм и благополучно вернулись в порт. Однако капитан до сих пор считает, что мы легко отделались, лишь потому, что трёх человек высадили на биостанции для работы, куда заходили перед штормом, тем самым оставив на борту не «чёртову дюжину», а лишь десять человек. Я с ним согласен. Только об ухе до сих пор вспоминаю с сожалением. Уж больно хороши были гольцы. Правда, есть слабое утешение – мой друг сфотографировал тех рыб, и как мне кажется, получился неплохой снимок.

Полёт на водолазной раме или ода пескожилу

Даже не имея ни малейшего представления о том, кто такой пескожил, любой догадается, что существо явно живёт в песке, а не на дереве и не в собачьей будке. Этого многощетинкового червя мне не приходилось держать в аквариуме, но не отрицаю, понаблюдать за ним было бы интересно. Известно, что эти сравнительно крупные полихеты³ живут на песчаных грунтах мелководий северных морей и часто используются рыбаками Беломорья для наживки при рыбной ловле. Однако на Чукотке вряд ли кто ловит на них, скорее об их существовании в тамошних водах и не подозревают. Во всяком случае, о том, что эти «звери» населяют дно Чаунской губы, стало известно совсем недавно. Дело в том, что пескожилы, скажем, Белого моря обитают на дне осушной зоны – литорали. Но на северо-востоке приливы и отливы настолько незначительны (всего 0,5 м), что о литорали и речи нет. Однако они там живут, но, как правило, не опускаются глубже 5 м.

Наш катер, фактически со всем составом научной экспедиции на борту, стоял на якоре примерно в трёх милях севернее устья реки Чаун. Унылый ландшафт в районе впадающей в бухту реки разнообразили кажущиеся близкими сизые вершины высоких сопок. На северо-западе снежная вершина горы Наглейнын, оправдывая своё название зимней кухлянки, действительно напоминала сидящего на корточках великана в зимнем чукотском одеянии. Волнения почти не было, но вода, как обычно в приустьевом участке залива, была слабо прозрачной. Мы готовили к спуску водолаза.

³ Polychaeta – многощетинковые черви.

А. А. Голиков перед спуском. Фото В. В. Потина.

Глубина здесь небольшая, около пяти метров, и Алексей очень быстро оказался на грунте. Его мгновенно подхватило неожиданно сильное придонное течение и поволокло по дну. Он едва успел ухватиться за водолазную раму, метровый квадрат из стального уголка, его обычно накладывают на участок отбора проб. Попытался взять грунт в брезентовый мешок с сетчатым дном, но безуспешно. Течение было мощным, и преодолеть его влияние не удавалось. Алексей видел на волнистом и плотном песчаном дне редкие отверстия чьих-то нор, светлые пятна, вероятно, двустворчатых раковин и всё это не далее вытянутой руки. Всё, что было дальше, надёжно скрывалось в жёлто-буром мраке мутной воды.

На поверхности мы наблюдали лишь следствие необъяснимых в данный момент действий водолаза: его скорое перемещение на северо-восток, о чём могли судить по страховочному концу, который держал Шеф, и туго натянутой верёвке, к которой была привязана рама.

Почуввав недоброе и дав сигнал о срочном подъёме, Шеф, не дожидаясь ответа, стал быстро выбирать лить.

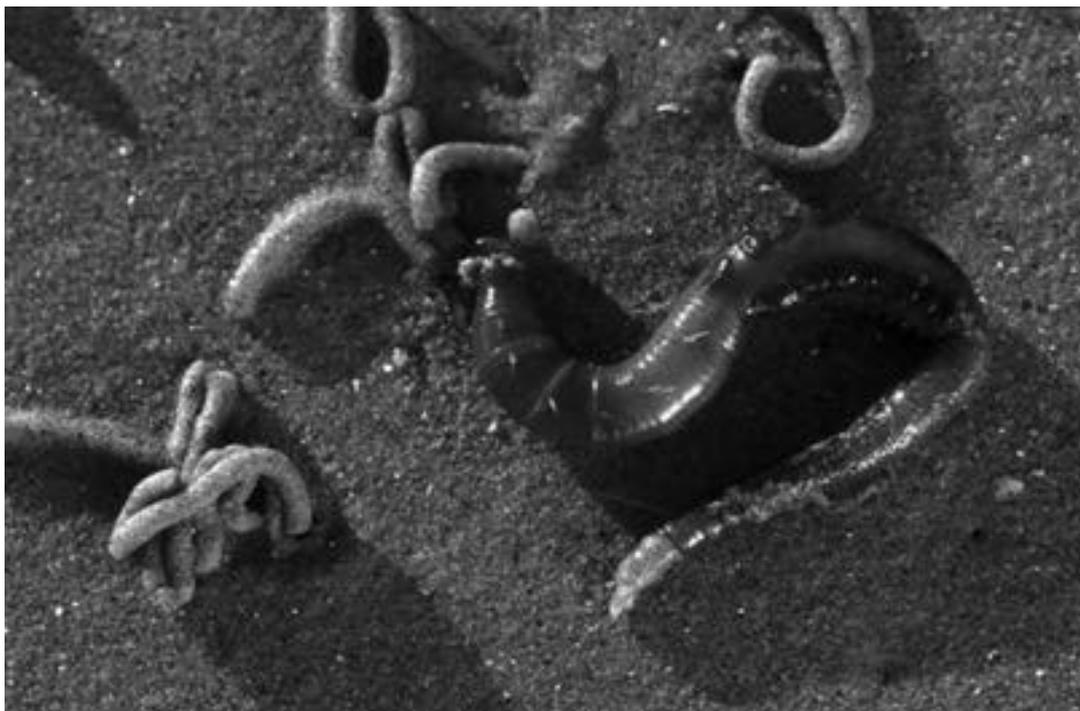

«Наш Ильич» – Алексей Ильич Пинчук. Фото В. В. Потина.

Вскоре, после значительных усилий мы увидели жёлтый шлем гидрокостюма, а подоспевший как раз во время «Наш Ильич» мгновенно втянул Алексея в резиновую лодку, правда, немного не рассчитав, в спешке затолкнул его с головой в проём под банкой, то есть под сиденьем лодки. Крик Шефа: «Чепешники⁴! Чуть водолаза не утопили!» – явно не способствовал скорейшему освобождению потерпевшего. «Наш Ильич» всё же сумел справиться со шнуровкой сиденья и, наконец, освободив голову Алексея из неожиданной ловушки, догадался переключить вентиль с «аппарата» на «воздух», а затем и вовсе снять шлем.

В тот день мы больше погружениями не занимались, одной неудачи нам вполне хватило, чтобы предохранить себя от дальнейших неприятностей. Помню, в тот день было много разговоров о неудачном, но счастливо закончившемся спуске, и о норах, которые наблюдал водолаз во время стремительного «полёта». Со строителями нор мы познакомились чуть позднее, собирая материал в затишном участке залива, окрещённом моряками «гнилой угол».

⁴ ЧП – чрезвычайное происшествие.

Пескожил.

Ими оказались черви-пескожилы, довольно крупные, около 20 см в длину. Подобно своим западным сородичам, они непрерывно выполняли свою основную работу – поедали грунт. Для этого черви зарывались в песок и заглатывали с помощью своей мешкообразной выворачивающейся глотки около 40 г грунта за сутки. В результате на входе их U-образной норы образовывалась воронка, а с «чёрного входа» холмик – пропущенная через пищеварительную систему кашица, обогащённая минеральными веществами. Состязаясь в трудолюбии с дождевыми червями, пескожилы перерабатывают и удобряют донный грунт, пропуская весь его верхний слой через себя примерно за год. Кроме того, они, как уже говорилось, служат великолепным кормом для рыб. Не знаю, обладают ли они ещё какими-либо достоинствами, но перечисленного, похоже, вполне достаточно, чтобы сказать: «Ну, до чего полезные и славные звери!»

Скала Кыргыз

Если в районе, где ты работаешь, всего одна скала, да ещё с таким странным именем, невольно будешь думать, что же это название означает. А если тебе уже основательно надоел длинный переход, сопровождающийся монотонной, несильной, но утомительной качкой, то непременно спросишь вахтенных, не знают ли они, что означает имя скалы. И уж будь спокоен, оказывается, знают! Помощник капитана тут же заверил меня, что поведаёт правдивую историю об этом. Вот что я услышал.

Не стоит и сомневаться, это было давным-давно. На побережье залива жил шаман. Он был свиреп и груб с окружающими, как чёрт в аду самого низкого звания, отвечающий за поддержание огня под сковородками, которые лизут грешники. Любимым его занятием было напускать порчу и творить разнообразные пакости. Несимпатичный он был человек, что и говорить, не джентльмен. Звали шамана Кыргыз. Его гнусным душевным порокам подстать была и внешность: маленький, кривоногий, с колючими глазками и ехидным ртом. Справиться с ним никто не мог. Правда, однажды нашёлся смельчак, который на происки шамана ответил прямым в челюсть, но вылетевшие от удара зубы злодея превратились незамедлительно в больших чёрных воронов и заклевали насмерть бунтовщика. Разумеется, у шамана была красавица дочь. Имя девушки, к сожалению, затерялось в складках прошедшего времени. Как водится у красавиц, она была своенравна и непослушна. Естественно, никакого там страха и почтительного трепета перед именитым папашей. Мало того, однажды она влюбилась в прекрасного юношу, который явно был не во вкусе шамана Кыргызна. Отец строго настроено запретил встречаться с этим молодым человеком, только красавица не послушалась. К тому же, в один прекрасный день они сговорились бежать и убежали бы, если бы шаман не узнал об этом. Разгневанный пуще обычного, он стал насыпать порчу на доброго юношу и заодно на свою дочь, но от переизбытка злости что-то там, в заклинаниях, перепутал, а может быть стар стал, но как-то получилось, что превратил сам себя в скалу. А влюблённые поженились и зажили счастливо. Однако, видно, их мучила совесть, что, мол, старик вроде бы как из-за них пострадал. Вот и стали они отвозить на эту скалу еду, надеясь, наверное, что отец ею воспользуется. Да какое там! Разве скала будет питаться, пусть это даже самый вкуснейший и свежайший копальхен⁵. Короче, подманили они туда птиц, которые там до сих пор гнездятся и украшают скалу продуктами своей жизнедеятельности. Вот такая история.

⁵ Особым образом сквашенное мясо моржа.

Скала Кыргыз. Фото В. В. Потина.

Спустя два часа мы пришли к скале Кыргыз. Она торчала одиноко, как перст из воды. Мне почему-то стало жаль шамана. Я сфотографировал скалу на память. Над ней вились чайки. Дно вокруг, после обследования, оказалось богато заселённым различными организмами. На девятиметровой глубине встречались в избытке водоросли (бурые и багрянки), моллюски многих видов (в том числе и мидии), бокоплав, губки и полихеты. Я подумал, что вся еда, которую принесли старику-шаману, наверное, очутилась на дне и вскормила столь разнообразный и хорошо развитый биоценоз. Вероятно, от качки, а может быть от необыкновенного морского воздуха, в голову иногда приходят весьма необычные мысли.

На обратном пути тот же рассказчик заметил, что моряки не любят заходить в эти места. Считается, что скала Кыргыз притягивает людей колдовством и путает мысли. По поводу первого я скептически улыбнулся, а второе – меня несколько встревожило. Вернувшись домой, я заглянул в «Топонимический словарь Северо-Востока СССР». Слова «Кыргын» там, к своему удивлению, не нашёл. В книге было только «КЫРГЫНАЙВАЯМ», что означало в переводе с чукотско-корякского – река, текущая от сухой горы. Значит, «кыргын» – сухой, так вот что означает имя старого шамана. До сих пор сомневаюсь, что история, которую услышал – не выдумка моряка. Право, не знаю. Только, как ни странно, несмотря на то, что прошло уже немало лет, меня всё тянет к этой одинокой скале с непривычным названием «Кыргын».

Короткий рейс в пролив Лонга

Один весьма уважаемый мной человек однажды заметил, что если чего-то очень ждёшь и это, наконец, приходит, то кажется неожиданным. Вот так, с нетерпением, мы ждали прибытия в Певек гидрографического судна «Георгий Максимов», осознавая с каждым уходящим днём всё отчетливее, что намеченная экспедиция в пролив Лонга может и вовсе не состояться в этом году по банальной причине – приходу зимы. Но чудо свершилось, и судно опередило зиму. В начале октября мы, сгибаясь от тяжести свалившейся на наши плечи удачи, изнывая под весом незамысловатого экспедиционного скарба, медленно поднялись на борт. Здесь всё было чудным: и маленькая каюта на двоих, и старые знакомые, и сердитый старпом, и даже хриплый голос, объявлявший запоздалым гостям о последней возможности покинуть судно перед выходом в море.

Медленно и почти незаметно судно отошло от стенки, а мы, увлечённые разговором о предстоящем путешествии, узнали об этом спустя несколько минут, увидев в иллюминатор скользящий мимо обшарпанный борт какого-то сухогруза.

Причиной нашей поездки послужило обнаруженное экспедицией ААНИИ под началом А. В. Чирейкина в марте-апреле 1991 года так называемое «аномальное пятно». В проливе Лонга, недалеко от мыса Шмидта температура у дна оказалась зимой положительной, +0,7 °С, и это в Арктике!!! Воображение рисовало фантастическую картину: оазис на выходе гидротермальных источников, новые виды животных или, напротив, – безжизненное дно. Что же в действительности, в основе всего? Какие обитатели и в каком количестве там обосновались? Вот что нас волновало.

Гидрохимик Игорь Золотухин и я – гидробиолог, оба из лаборатории мониторинга среды Певекского УГМС, попали на судно не случайно, нас пригласила в экспедицию Светлана Павловна Гусарова, давешняя наша знакомая. Она не первый год возглавляет «Ледовый патруль». С ней обычно работают гидрологи, их в этот раз представляют молодые ребята – студенты и юная дева – Яна, увеличивающая энтропию вселенной на отдельно взятом судне. Сеть наших станций меньше гидрологической: просто немыслимо отобрать такое количество проб вдвоём за столь короткое время, которое отпущено нам на экспедицию.

Хорошая погода осталась в Чаунской губе. Как только мы вышли за мыс Шелагский, подул свежий ветер. Как это здорово – покачиваясь, засыпать, лёжа в койке, слушая шелест волн и глядя на звёзды в иллюминатор. Но совсем другое дело – работать на палубе в такую погоду...

Утром следующего дня, после сытного завтрака, вдвоём выбрались на палубу подготовить всё для взятия проб. По правому борту остался печально известный мыс Кибера. Его каменистый берег, верно, помнит дату: 19 июля 1989 г. здесь потерпел авиакатастрофу борт ледовой разведки – АН-26. Среди десяти погибших были наши товарищи – гидрологи из Певекгидромета В. И. Марьинский и Ю. А. Шарыгин, а также гидрологи ААНИИ А. Е. Кожевников и капитан наставник В. И. Глушак. Пятиметровый крест из лиственницы – ещё один скорбный памятник покорителям Севера – отсюда не виден, слишком далеко мы проходим от мрачного берега.

Прежде чем рассказать о дальнейшей нашей деятельности, наверное, следует остановиться на том, как животные со дна моря попадают на предметный столик бинокуляра. Достав донный грунт с помощью специального приспособления под названием дночерпатель, вытряхиваешь его в подходящую для этой цели ёмкость, а после помещаешь на сита и промываешь из пожарного шланга забортной водой. Жарко при этом бывает крайне редко. В резиновых перчатках работать весьма неудобно, так как на сетке обычно остаётся много молодёжи моллюсков, червей и всякой другой живности, которую иначе как пинцетом не соберёшь. С ними нужно

обращаться очень деликатно, в противном случае потом не только до вида, но и до семейства не определишь. А знать зверюшку по имени-отчеству в дальнейшем очень важно, поверьте на слово. Но вот все животные выбраны, теперь их фиксируют раствором формалина или спирта. Из личного опыта знаю, что наибольший интерес в нашей работе у судовой команды вызывает именно стадия фиксации материала. Как правило, полного взаимопонимания здесь достигнуть не удаётся, возможно, многие из моряков считают заливку животных спиртом безнравственным деянием.

У мыса Биллингса первая пробная станция. Прежде чем взяли нужное количество выборок грунта, намаялись прилично. На волне маленький и лёгкий дночерпатель бесчисленное число раз закрывался до того как достигал дна и приходил наверх пустой. Что поделаешь, другого у нас в то время не было. Глубина небольшая, всего 13 м, а на грунте в изрядном количестве жили мелкие морские черви преимущественно одного вида. Даже для начала экспедиции такую находку нельзя было считать интересной. Но это нас не обескуражило, ведь впереди «аномальное пятно».

Накувыркались мы нынешней ночью... Светлана Павловна подняла нас за час до станции. Первый черпак пришёл полный грунта, а затем как отрезало. Долго мы гоняли его туда-сюда, пока кому-то из нас не пришла мысль, что он идёт вниз медленнее троса. Тогда Игорь начал отдавать барабан лебёдки вручную. Далее всё пошло как по писаному.

Промыли грунт. Пока я рассматривал только что собранный материал, Игорь отмотал серию химических проб на нефтепродукты. Здесь, на глубине 50 м, на глинистом иле, жизнь, оказывается, более разнообразная, чем на предыдущем участке. Кроме относительно крупных червей, встречаются довольно большие двусторчатые моллюски трёх видов, из иглокожих – родственницы морских звёзд – офиуры и голотурии. Рядом с ними обитают не такие характерные, но довольно в большом количестве ещё десятка три видов всевозможных беспозвоночных. И никаких признаков угнетения, все такие бодренькие, но и особого изобилия тоже нет, хотя проба взята уже в зоне предполагаемого пятна.

Штормит... А когда на часах четыре утра и желудок пуст, как выпитая бутылка, любоваться морским пейзажем даже в проливе Лонга радости мало.

С утра – ветер, бортовая качка и снег. На палубу нос высовывать не хочется. Чувствуется, что там – «трёхсобачий» холод. В море – ни льдинки. Весь лёд отогнало за 75° северной широты – судну спрятаться негде. Так бывает далеко не всегда, обычно пролив Лонга забит плотным льдом и даже современные ледоколы не всегда могут преодолеть его.

Интересная особенность: приход на станцию происходит в самый неподходящий момент – или это раннее утро, когда с койкой не хочется расставаться, как с жизнью, или же это – время перед приёмом пищи. В последнем случае у тебя есть выбор. Ты можешь остаться на палубе, утешая себя мыслью о том, как весело будет потом поедать остывший обед. Или, махнув на всё рукой, пойти, не медля, в каюту, стащить с себя ворох всяких одежек, «поху-дев» при этом килограммов на 6–7, быстренько-быстренько поесть и, повторив всё в обратной последовательности, млея от сытости, очутиться вновь на палубе. Я пробовал и то, и другое. В конечном итоге разница невелика.

Утро после вчерашнего дня и вечера тихое и кроткое. Ни намёка на прошедший шторм. Вчера работали, разумеется, в обед и ужин, получив выговор от капитана за проволочку. Последняя станция далась с особым трудом. Игорю пришлось оторваться от своих химических дел и помочь мне на палубе. Одному было не справиться. Палуба обледенела, и её часто заливало волнами. Кое-как промыли пробы, рассовали материал по склянкам, а сами, мокрые и измученные, облепленные грязью, убрав за собой и, преодолев дверь в лабораторию (та треклятая дверь чуть не прихлопнула нас, вот было бы обидно, ведь перед ужином), вернулись в помещение. Как оказалось позднее, пробы, собранные в тот день в самом центре предполагаемого пятна с глубины 40 и 50 метров, были интересными, но опять-таки не имели призна-

ков угнетения, если не считать одной особенности. Животных здесь больше, причём заметно больше, чем в предыдущих пробах, и все они находились в прекрасном состоянии. На глинистом иле, песке, камнях обитали преимущественно двусторчатые моллюски разных видов, среди которых выделялись относящиеся к родам *Nuculana* и *Macoma*. Эти два вида, вероятно, в определённом возрасте взаимно исключают друг друга. По крайней мере, опять чётко отмечалась особенность, привлекавшая наше внимание ещё в период прошлой экспедиции: среди маком наблюдалась массовая гибель, особенно старшего возраста, в то время как другие виды не обнаруживали никаких особых проявлений дискомфорта, а, напротив, процветали. Особенно здесь выделялись *Nuculana*. Не исключено, что в определённый период в придонных слоях возникают какие-то изменения, происходящие в силу, например, возрастных морфологических особенностей какого-либо вида, к неспособности существовать в усложнившихся условиях и к массовой гибели уязвимых поколений.

Сегодня с утра у острова Врангеля работают гидрологи. Наши станции позднее. Всё побережье острова и сопки покрыты снегом. Жаль, что такого чистого снега у нас в Певеке не увидишь. Кажется, что на этом острове все жители добры и чисты помыслами.

Весь вчерашний день, а особенно ночь, прошли в суете и почти бесполезных делах. В ночь со вторника на среду волнение стало хаотичным и пришлось несколько раз вставать, чтобы убрать со стола и пола всякую громыхающую мелочь, которую мы по легкомыслию не закрепили. В течение довольно продолжительного времени двигаться удавалось только на юг, против ветра. Одну станцию, что севернее и в центре пролива, так и не удалось взять, – сильно сносило судно. И только где-то к одиннадцати часам сумели отобрать пробы в предполагаемом центре пятна. Перед ужином была неудачная попытка выполнить станцию при усилившемся штормовом ветре и сильном волнении. Цепь на дночерпателе лопнула, а трос лебёдки запутался. Палуба, покрытая снегом и щедро залитая машинным маслом из неисправной лебёдки, была не лучшим местом для прогулок и работы. Нижнюю палубу по корме окатывали волны. Нам ничего не оставалось, как пойти в каюту и завалиться в койки.

Всё проходит, прошёл и шторм. Разобрана последняя проба, убрано снаряжение. Со шлюпочной палубы открывается великолепный вид на мыс Сердце-Камень. По ходу судна встречается множество моржей. Они не прочь сфотографироваться на память. Мы спешим в бухту Провидения. Скоро туда прибудет самолёт, на котором мы отправимся по домам. Кое-что сделано, но до обидного мало, хотя собран материал из малодоступного района. Ясно, что в период навигации никакого «аномального пятна» не существует. Вероятно, это повторяющееся явление, которое возникает время от времени и пропадает. А уж если и оставляет следы, то такие, которые нам заметить пока не посчастливилось. Во всяком случае, нельзя утверждать, что отмеченные весной повышение температуры, дефицит кислорода и избыток кремния оказывают явно отрицательное воздействие на население этих мест. Судя по всему, оно адаптировано к таким условиям. Чем же объясняется феномен? Боюсь, что горячие источники, бьющие из недр земных, здесь не причём.

В проливе Лонга, как правило, придонные температуры отрицательные. Однако осенью, в годы с малой ледовитостью (а предыдущий год был именно таким), море прогревается до дна. В результате зимою и даже до весны на глубинах от 30 до 40 м остаётся тёплый промежуточный слой – реликт осеннего прогрева, естественно, обеднённый кислородом в силу своего изолированного положения. Вот его-то и обнаружила экспедиция ААНИИ.

За нами по пятам идёт зима со своей спутницей непогодой, несмотря на то, что мы убегаем от неё пятнадцатизловым ходом. Она настигнет нас в бухте Провидения, даст о себе знать свежим северо-западным ветром и двадцатиградусным морозом. Поздний выход в море не позволил нам выполнить полностью всё намеченное. Необходимо было бы поработать здесь ещё, чтобы наиболее полно представить картину происходящего. Но пока нам остаётся довольствоваться тем, что у нас имеется, и благодарить зиму за небольшое запоздание.

Мура

В один из промозглых октябрьских дней, когда в воздухе чувствуется скорое и неминуемое наступление зимы, мы тралили дно на траверзе обрывистого берега горы Янрапак в Чаунской губе. На палубе было, мягко говоря, неуютно – дул северо-западный ветер и шёл снег. Очень хотелось все бросить, забраться в помещение для вахтенной службы и отогреть хотя бы внутренности за кружкой горячего чая. В довершение всего в наш трал, как нарочно, не попадалось ничего интересного: обрывки морской капусты, обломки сланцевых скал, конкреции, банальные двустворчатые моллюски, вроде астарты северной (*Astarte borealis*), и всякая другая, абсолютно скучная бестолочь. А нам очень хотелось изловить хотя бы один экземпляр арктического краба (*Hyas coarctatus*), который здесь водится, о чём нам доподлинно известно, но упорно не желает попадаться в трал.

Вот и последний трал: ил, камни, водоросли, какая-то мелкая рыбёшка – рассматривать не было ни сил, ни охоты; опять, похоже, ничего интересного. Обледеневшая дорога из порта до лаборатории с дюралевой флягой в руках, наполненной морской водой и немногими животными, – лучший способ искупления грехов раскаявшегося нечестивца. Наконец мы дома. Безлюдно. Рабочий день давно закончился. Попив чайку, начали интересоваться окружающим миром. Оставлять до утра улов во фляге – преступление без наказания. Для холодноводных животных тепло ничуть не лучше, чем для нас холод – парализует и убивает. Ничего не поделаешь, – пришлось пересаживать животных в аквариум. Там после этого наступила непроглядная мгла...

Утро принесло сюрприз. Муть осела и «интерьер» аквариума изменился. Рыбка, пойманная вчера, возлежала на купине фукуса (*Fucus distichus*) – слоевица этой бурой водоросли напомнили мне модернистскую кушетку. Неужели мы повредили её при транспортировке? Какая досада! Жаль, если так – зверюшка при ближайшем рассмотрении вполне симпатичная. К счастью мрачные опасения не оправдались. Рыбёшка вдруг снялась с места и поплыла к столбу пузырьков воздуха в более светлую часть аквариума. Выглядела она довольно элегантно: длинное и узкое, сплющенное по бокам тело, покрытое мельчайшей чешуёй; верхний – сплошной, почти до самой головы от хвоста – плавник с чёрными, похожими на глаза пятнами; несколько короче – нижний, без пятен и бахромчатый; хвост лопаточкой; два передних грудных плавника, словно веера; вытянутая мордочка с янтарными глазами – вот, пожалуй, исчерпывающий портрет новенькой. Хотя нет, я чуть было не упустил одну очень важную, как мне кажется, деталь – её жёлтые глаза внимательно следили за тем, что происходит по другую сторону стекла и могли двигаться вокруг своей оси почти на 360 градусов. Я определил её как вид *Stichaeus punctatus*.

Рыбка по имени Мура. Фото П. Тупчика.

Поначалу мы отнесли её в разряд неважных пловчих и полагали, что она большую часть жизни в естественных условиях проводит на дне моря, следя за проплывающими мимо мелкими рачками. На то были основания. Она очень ловко сидела на своём хвосте, как уместно было бы сказать о четвероногих – кошке или собаке – подложив хвост под себя. В такие минуты она выглядела очень комично и напоминала щуку из мультфильма. Что и говорить – сидеть на хвосте она умела в совершенстве. А вот плавала как-то неуверенно, часто опускаясь на дно. Довольно часто можно было видеть, как рыбка неожиданно делала резкий выпад вперёд, при этом широко открывая рот, и схватывала что-то невидимое. За хищный характер и некоторое сходство с муреной мы прозвали её Мурой.

Первое время Мура к нашему присутствию по эту сторону стекла относилась не то чтобы с опаской, а с некоторой осторожностью. Но довольно скоро перестала робеть и стала даже выплывать из своего затемнённого убежища, когда кто-нибудь приближался к аквариуму. Мы считали, что она питается мелкими рачками из зоопланктона, которых в воде было великое множество. Однако месяца через четыре я обратил внимание на то, что Мура, поначалу имевшая довольно яркую, отдающую перламутровым отливом окраску, как бы поблекла и даже уменьшилась в размерах. Это вызвало у меня естественное беспокойство за её состояние, но предположить, что причиной может быть недоедание, я в то время не мог. Всё разрешилось вскоре, но об этом следует рассказать отдельно.

Голодная чародейка

Однажды утром, я, как всегда после прихода на работу, зажёл освещение в аквариуме и увидел, что через заросли гидроидов пробирается какая-то перламутровая с бледно-зелёным отливом змейка. Я был немало удивлён и обрадован, узнав в ней многощетинкового червя *Phyllodoce groenlandica*, которого среди обитателей обновленного аквариума ранее не встречал. Радость моя длилась недолго. Из тех же зарослей гидроидов вдруг вылетела молнией Мура и отправила примерно половину восьмисантиметрового червя себе в рот. Первым делом я хотел вмешаться, так горько мне было видеть, как гибнет на моих глазах чудный, редкий экземпляр филлодоциды. Однако вмешательство было бы бесполезным и, безусловно, не оказало бы нужного результата. Для этого мне пришлось бы поднять тяжёлую, укреплённую на петлях верхнюю крышку аквариума и, раздевшись по пояс (потому что забраться в пиджаке в холодную морскую воду я бы не рискнул, несмотря на весь трагизм происходящего), попытаться освободить червя из пасти хищника. Всё разрешилось, к счастью, само собой, как это довольно часто случается в жизни. Мура помедлив, как бы раздумывая, что ей дальше делать: проглотить зазевавшуюся жертву или помиловать – склонилась к последнему варианту. Она нехотя выплюнула совершенно невредимого кольчеца⁶, который не замедлил укрыться в густых зарослях гидроидов.

Как-то вскоре после этого случая мы кормили наших актиний кусочками рыбы. Актинии охотно принимали угощение, мягко и цепко схватывая лакомство с кончика тонкой металлической спицы для вязания. Мура, по обыкновению, бездельничала и лениво наблюдала за происходящим. Вдруг, видимо, что-то почувствовав, она устремилась в сторону кормящихся актиний, и, не раздумывая, мгновенно выхватила кусочек из медлительных щупалец. Вот после этого случая, я окончательно утвердился во мнении, что бедная Мура находится в состоянии перманентной голодовки и готова вот-вот превратиться в дистрофика. Срочно были приняты радикальные меры по её спасению от голодной смерти. После обеда я принёс свежемороженой ряпушки; из гвоздя и длинной тонкой рейки изготовил подобие гарпуна и мы приступили к кормлению. Насадив тонкий кусочек мяса на конец гарпуна, и приподняв крышку аквариума, опустил пищу в воду. Результат оказался ошеломляющим: Мура мгновенно бросилась из своего укрытия к поверхности и схватила корм. Мы повторили процедуру, и она проделала всё в точности, как и в первый раз. Только после четвертого кусочка она, наконец, успокоилась, видимо, насытившись.

С того дня мы кормили Муру через день, и она вновь приобрела свою, утерянную было, слегка перламутровую окраску, немного округлилась и до сих пор полна интелеса к жизни. Любопытные могут подразнить её, постукивая кончиками пальцев по стеклу или вода рядом с ним каким-нибудь блестящим предметом. Она обязательно отреагирует – подплывёт и попытается ухватить за палец. Мы ей прощаем такие вольности, так как втайне надеемся, что её сходство со шукой не только внешнее. Я, во всяком случае, не очень-то удивлюсь, если она однажды вымолвит человеческим голосом: «Какое твоё самое сокровенное желание? Готова его исполнить?».

⁶ Кольчатый червь.

О Немертее – сестре Галатеи, дочери морского царя Нерея

В нашем морском аквариуме живёт дочка морского царя Нерея – Немертея или, как принято её называть теперь, – Немертина.

Она изящна, грациозна, великолепно плавает, ловкая и гибкая. Тело у неё... длинное (согласитесь, что это не очень подходящее прилагательное для описания прелестей царственной особы). Немертина – отважная охотница, даже, более того, разбойница. Она вооружена стилетом, который прячет во рту (ах уж эти царевны, не зря так много говорят об их коварстве!) Другие её соплеменники, те, что остались без столь смертоносных мизерикордий⁷, присущих скорее тяжёлым рыцарям, чем обитателям глубин, имеют в запасе яд.

Наша немертина, когда повышается температура воды в аквариуме, и стадо мельчайшего планктона скапливается у поверхности, выходит на охоту. Завидуйте ей саблезубые хищники! Как точны движения! Удары её стилета могли бы служить достойным примером мастеру фехтования. Лучшие матадоры, глядя на её игру, сгорели бы от стыда за свою неуклюжесть и срезали бы свои косички, колеты. Извиваясь как угорь, немертина кружит у поверхности, захватывает хоботком мелких рачков, сеет панику в стаде планктона. Что же это за загадочная особа? К сожалению, она не очень-то любит позировать перед камерой.

Еще в 1758 г. зоолог Берлейз (William Borlase) описал одну из немертин и изобразил на бумаге, назвав... “длинным морским червём”. И был, безусловно, прав.

Действительно, немертины, как правило, черви морские, из примерно тысячи известных только несколько видов обитают в пресных водах и на суше. Многие из них длинны. Английский зоолог Макинтош встречал нередко у берегов Великобритании немертин, достигающих 5–8 м при ширине тела 2,5–9 мм. Однако эти размеры отнюдь не предел. Описаны виды, достигающие 30 метров в длину. Кто знает, может быть, именно таких крупных немертин видят иногда моряки, принимая их за загадочного морского змея?

Немертины селятся на всех глубинах и грунтах, зарываясь в песок, гравий или ил, а так же хоронясь среди водных растений. Питаются не только зоопланктоном, но и мелкими морскими звёздами, моллюсками и червями. Случаев нападения на человека не зарегистрировано. Хотя истины никто не знает. Во всяком случае, берусь утверждать, что “зелёный змий”, который всё же косит стройные ряды человечества, относится к какой-нибудь другой группе.

Немертина *Tubulanus albocinctus* из Чукотского моря. Фото С. Ю. Гагаева.

⁷ Очень узкий и тонкий трёхгранный кинжал (от *лат.* милосердие, сострадание), служивший для прекращения мучений поверженного рыцаря, это оружие могло проникать через сочленения доспехов.

Кстати об истине, я хотел сказать о Немертее, кажется, я повторяюсь (немертея в переводе с греческого – истина). Такое имя дал великий учёный Жорж Кювье одной из представительниц (впоследствии имя перешло на весь тип этих животных). Ему, конечно же, было известно, что Немертея – одна из пятидесяти дочерей морского царя, старца Нерея. Все сёстры, а к ним относятся и жена Посейдона Амфитрита и не менее знаменитая Галатея, были очень добры. Они целыми днями водили хороводы, под хриплую музыку Тритона и, вообще, всячески веселились и помогали попавшим в беду мореплавателям. Ни о какой кровожадной охоте они, конечно, и не помышляли. Не знаю, что побудило Ж. Кювье назвать немертину именно так, вероятно, у него не было под рукой морского аквариума, и он не видел, как эти черви охотятся. Но знаю другое, что истина обитает в море. И никакие философы не докажут мне, что это не так!

Жуткая история

Не знаю, какими намерениями выслан путь в рай, но то, что благие помыслы вернее всего приведут в ад – несомненно. Убеждался в этом неоднократно.

Размораживал я как-то морскую капусту. Осталось после этого граммов триста экстракта или сока от неё. Думаю: «Добавлю в аквариум, – органика, отличная подкормка». Добавил, не знал ещё в то время, что это своего рода яд для морских обитателей. В результате спавшие две недели до этого морские тараканы проснулись, звёзды и гастроподы на стенку полезли, а через некоторое время все подвижные черви из своих укрытий в грунте повывлезали. А дальше – трагедия. Гляжу, – две полихеты лежат без движения, «лапы кверху», глотки вывернуты. Шок. Достали мы их, и в чашку Петри с морской водой. Под бинокляром одна живая, шевелит многочисленными ножками, четырьмя любопытными глазёнками по сторонам выглядывает. На душе легче стало. А вот со второй совсем плохо – лежит без признаков жизни. Решили живую отпустить в аквариум, пусть растёт, а погибшую в разбавленный спирт, и затем в коллекцию, для дальнейшей таксономической идентификации. Как задумали, так и сделали. Первая бодро пошла на дно и скрылась в грунте. Червячок другого вида погрузился в 70-ти процентный спирт и вдруг ожил, заметался, бедняжка, по склянке, да уж поздно...

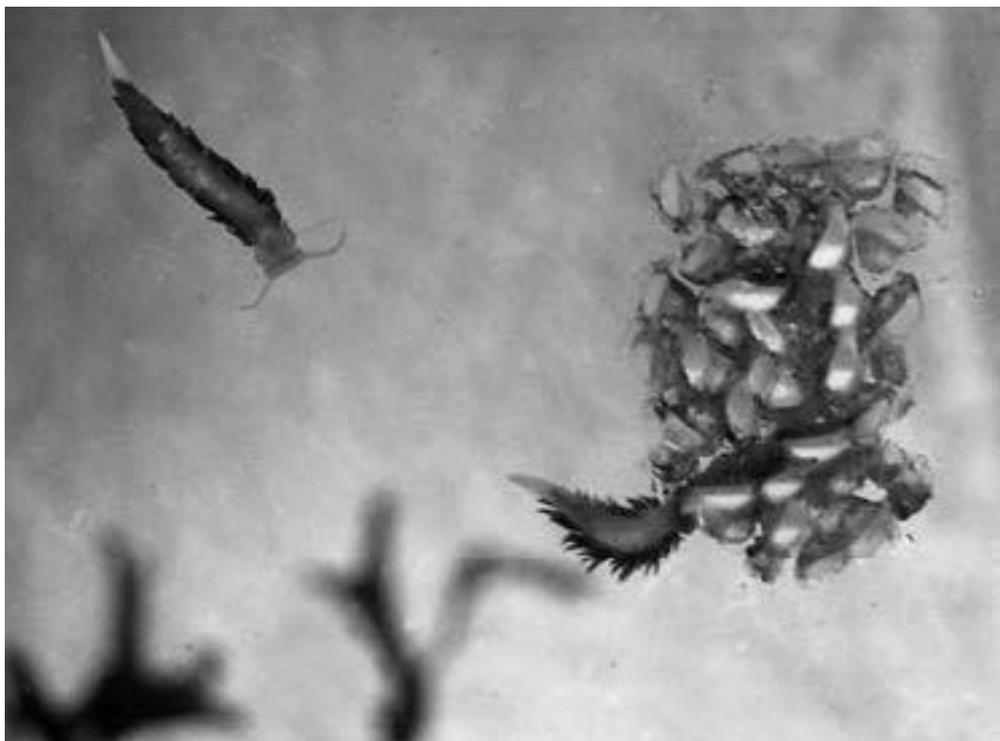
И произнес я тогда эпитафию: «Вот до чего притворство доводит».

Как мне кажется, из этой жуткой истории вытекает несколько основополагающих выводов: не лезь со своими благими намерениями, когда не просят, – навредишь; не употребляй спиртного – опасно для жизни; не притворяйся – ложь до добра не доведёт.

Вот и всё, если не считать того, что нам дважды пришлось в аквариуме воду сменить, пока обстановка не нормализовалась. Лучше, конечно, на чужих ошибках учиться, но не всегда получается. Да и ошибка ошибке – рознь. Америку, как известно, по ошибке открыли.

Эол из аквариума

Как-то осенью моя жена позвала меня к морскому аквариуму. Я поспешил, потому что из её несвязного восторженного бормотанья можно было понять только одно, что у нас под водой поселился дикобраз, совсем маленький... Стараясь делать как можно меньше шума, но всё же задевая в спешке попадающиеся под ноги стулья, я устремился взглянуть на невиданного зверя.

Голожаберные моллюски *Cuthona* sp. на фронтальной стенке аквариума рядом с кладкой гастроподы. Фото С. Ю. Гагаева

По внешнему стеклу, плавно переливаясь, ползло существо, действительно напоминающее малюсенького, около 3 см в длину, дикобраза. Это сходство обуславливалось множеством отростков, похожих на иглы известного млекопитающего, покрывавших всё тело существа и только кончик хвоста был голый. Вытянутая подошва ноги, с помощью которой животное плавно перемещалось и тоненькие рожки на голове не оставляли сомнения в том, что перед нами улитка. А если быть ещё более точным, судя по отсутствию раковины, – голожаберный моллюск *Cuthona* sp. Его выросты, напоминающие иглы дикобраза, окрашенные в бурый или даже зелёный цвет, не что иное, как жабры. С их помощью он и его многочисленные собратья, успешно извлекают растворённый в воде кислород, необходимый для дыхания (есть у жабр и другое назначение, но об этом как-нибудь в другой раз). Улитка, довольно резво двигаясь по гладкой поверхности стекла, соскользнула вниз и скрылась из глаз за металлическим каркасом аквариума.

После этого мы нередко наблюдали моллюска в самых различных участках аквариума, иногда в весьма неожиданных местах. Он был вездесущ: то оказывался на боковых стенках, то на слоевищах водорослей и зарослях гидроидов или на нижней стороне поверхности водной плёнки, а однажды я застал его парящим в толще воды, приблизительно в 10 см от поверхности. Казалось, что моллюск выполняет комплекс гимнастических упражнений: он сворачивался в

кольцо, затем, выпрямляясь, извивался верёвочкой, прогибался назад и беспрестанно шевелил своими длинными рожками.

«Показательное выступление» продолжалось ещё около 10–12 минут с того момента, как мы застали его за этим занятием. Наконец, моллюск закончил свои пассы, принял форму падающей капли и плавно, но достаточно быстро стал двигаться вниз. Случайно он опустился прямо мехонько на хвостовой отдел дремавшего на грунте морского таракана⁸, тот словно только этого и ждал. Внезапно очнувшись, таракан бойко отправился по обычному своему маршруту с бесцеремонным верховым. Совместное движение продолжалось около 3 минут, а потом всадник был сброшен со спины, как только ракообразное забралось под заросли гидроидов.

Семейство, к которому относятся моллюски такого же строения, как наш замечательный непоседа, называется Эолида. Вероятно, автору названия «непричёсанный» вид животного напомнил взлохмаченный образ весёлого греческого божества, повелителя ветров – Эола, который забавлялся игрой на арфе и устраивал бури на море. Как знать, может быть между мифическим существом и отважной улиткой существует действительно какая-то особая, мистическая связь? А вдруг, это все же он вызывает штормы в Ледовитом океане от обиды на то, что его никто не замечает?

⁸ Равноногое ракообразное из рода *Saduria* (подробнее о них в главе «Страшили подводного королевства»).

Сила есть – ума не надо?

Давайте вернемся к персоне голожаберного моллюска *Cuthona* sp. и посмотрим на него более прозаично. На первый взгляд, что в нём особенного, – моллюск как моллюск, только без раковины. Однако он – существо прелюбопытное и возьму на себя смелость сказать, необыкновенное.

Посудите сами, в кончиках его «иголок» – отростках печени скапливаются стрекательные клетки, с помощью которых он хорошо защищён от многих врагов. Это оружие моллюск получает вместе с пищей, а питается он гидроидами и актиниями. Перерабатывая ткани этих животных, голожаберник оставляет без изменения их стрекательные клетки, укрепляя тем свою оборонную мощь. Далеко не всякий хищник осмелится схватить голожаберного моллюска, потому что в ответ получит отпор – жгучий укол. Но, как выяснилось, даже такое, казалось бы, надёжное оружие не всегда спасает от беды.

Однажды наш «дикобразик» отложил спиралевидную кладку на внешнем стекле аквариума, внутри которой можно было рассмотреть около тридцати икринок. Через некоторое время мы обнаружили нескольких юных моллюсков среди зарослей гидроидов. Они мирно паслись и очень быстро подрастали. Однако вскоре их число заметно сократилось, и только редкие экземпляры иногда попадались на глаза. Возможно, мы так бы никогда и не узнали, кто лакомится малышами, если бы не случайно подсмотренная сцена.

Случилось это во время Южака, когда многие животные под действием сильно понизившегося атмосферного давления становятся особенно активными. Рассматривая в очередной раз дно, я увидел сравнительно крупного многощетинкового червя из семейства Polynoidae. Зверь расположился среди водорослей, изогнувшись дугой, из-за чего сильно напоминал декоративный мостик. Полупрозрачные чешуйки червя, покрывавшие спинку, сияли всеми мыслимыми оттенками солнечного спектра. Невдалеке показался голожаберник. Его беспечность граничила с безрассудством. Моллюск направлялся в сторону «мостика». Он сравнительно скоро достиг полихеты и не преминул на неё взобраться, находя, видимо, её спину весьма удобным местом для утренней прогулки. Мало того, моллюск направился в сторону, где располагалась голова полиноиды. Червь вначале не проявлял никаких эмоций и позволил беспрепятственно ползти моллюску. Но как только тот добрался до головного отдела, ловкая бестия, быстро приняв позу атакующей кобры, молниеносно выбросила свою вооружённую челюстями глотку, и моллюск исчез. Правда, через мгновение червь, видимо, обжёгшись, выплюнул совершенно целого голожаберного моллюска, с тем чтобы незамедлительно заглотить его вновь, на этот раз окончательно.

На мой отчаянный вопль:

– Ну, какое же ты глупое животное! – сбежались коллеги. Я торопливо пересказал увиденное, и мы горько посетовали на несчастную судьбу наших крайне наивных «дикобразиков».

Подарок грозного шторма

Природа – самый искусный художник. Человек – её дитя, постоянно учится у неё. Постигает законы мироздания, и не перестаёт удивляться их обилию, универсальности, умению Природы творить шедевры. Она с охотой делится с людьми своими тайнами, даёт огромную радость от общения с собой, дарит счастье познания и творчества. Для этого требуется немного – желание все это видеть. Если у вас оно есть, то вам не грозит гибель от скуки. По-настоящему интересного и достойного внимания в подлунном мире предостаточно.

Что может быть прекрасней шторма? (особенно, если смотреть на волны с берега). Однако для прибрежных морских животных шторм серьёзное испытание. Немало водных жителей при этом оказываются выброшенными на сушу, на съедение чайкам, или, обсохнув, погибают от потери влаги. Обычно после таких пертурбаций на берегу можно найти множество моллюсков, губок, различные водоросли. Я неоднократно пользовался удобным случаем, чтобы из штормовых выбросов пополнить население нашего аквариума.

В одно послештормовое утро, прогуливаясь по берегу галечной косы, заваленной бурными водорослями, я заметил студенистый комочек розового цвета. Положив на всякий случай (вдруг да выживет) непонятное существо, прикреплённое к ламинарии, в ведро с водой, где уже были другие пострадавшие от стихии, я вернулся в лабораторию. При ближайшем рассмотрении существо, оказавшееся актинией, как выяснилось позднее, относящейся к роду *Actinostola*, не имело видимых повреждений и после краткого моего благословения отправилось на дно аквариума.

Сравнительно скоро актиния «пришла в себя», если так можно сказать об этом организме, хотя было бы, наверное, правильнее охарактеризовать превращение, произошедшее с ней, как «вышла из себя». Дело в том, что животное, попав в привычную среду, расплывилось и даже «расцвело» после непродолжительного блуждания по грунту в поисках удобного местечка. Прикрепившись подошвой к плоскому чёрному камню посередине аквариума, актиния радовала нас своей красотой экзотического цветка, оправдывая название, данное её собратьям и так таинственно звучащее – морские анемоны. Её нежно-розовые полупрозрачные щупальца почти всё время были настороже, чутко реагируя на прикосновение мелких планктонных, подчас невидимых невооружённым глазом животных. Почувствовав касание, актиния сводила щупальца к центру и плавно, но быстро прятала их внутри. При этом она превращалась в ярко розовый шар, внешне очень похожий на помидор. Довольно быстро разобравшись в том, что тревога ложная, хищница возвращалась к прежнему состоянию – готовности к охоте.

Розовая актиния. *Epiactis arctica*. Фото П. Тупчика.

Примерно через полгода актиния вдруг стала уменьшаться в размерах, а её яркая окраска поблекла. Озадаченные столь нежелательными изменениями, мы решили, что животное недоедает. Действительно, то количество планктона, которое к середине зимы обитало в аквариуме, не могло полноценно питать хищницу. Чтобы поддержать её силы были приняты самые активные меры. На кончике тонкой спицы ко рту нашей подопечной подносили маленький кусочек пищи. Актиния охотно принимала любую еду, захватывая её щупальцами, но если ей что-то было не «по вкусу», незамедлительно выбрасывала прочь; точно также она поступала с неусвоенными остатками. Особенно ей нравилось поесть мясо трубача и ряпушки. Искусственное вскармливание не замедлило дать положительные результаты: актиния приобрела былую красоту и подросла.

Как и многие обитатели аквариума, актиния чутко реагировала на изменения погоды. Нередко, особенно во время резких перепадов атмосферного давления, она меняла форму и являла несвойственный ей в обычном состоянии вид. Чаще она сворачивалась в шар, а реже, напротив, вытягивалась в длину, становясь похожей на гриб, или образовывала на своем туловище перетяжку в виде пояса. В таком состоянии актиния, однако, находилась недолго и вскоре представляла перед зрителями в великолепии цветка среди камней – обительница арктических глубин, подаренная нам штормом.

Леность, передаваемая по наследству

На берегу косы – бурый вал из водорослей. Гравий с проплешинами жёлто-белого песка лижут волны. Они кажутся ласковыми и тёплыми. Но это неправда, вода у берега на самом деле холодна как лёд. Просто солнечный летний день на берегу Восточно-Сибирского моря вызывает обманчивое ощущение тепла. Обман обнаруживается при первом же порыве ветерка, или в прикосновении к поверхности набегающей волны. Волна подхватывает пучок фукуса и несколько небольших, чуть меньше перепелиного яйца прозрачных шариков-виноградин. Я осторожно беру в руку несколько штук. Они покрыты редкими песчинками. Внутри просвечивают нитеобразные органы. Безусловно, это животное, асцидия, со звучным именем *Rhizomolgula globularis*. Прошедший накануне шторм оторвал их от субстрата, а волны лениво играют со мной в своеобразную игру под названием «А ну-ка отними!» Я отступаю назад, чтобы набежавшая волна не замочила моей обуви и, быстро наклонившись, выхватываю у неё ещё несколько асцидий.

Асцидии. Фото С. Ю. Гагаева.

Празднуя победу, спешу в лабораторию к аквариуму. Там уже есть сородичи этой прозрачной асцидии. Правда, они, в отличие от ризомольгулы, больше походят на толстые пальцы водолазной перчатки с двумя красными дырочками-устьями на вершине. Хотя я не вправе ожидать, что асцидии увеличат число активно двигающихся животных (известно, что они практически неподвижны и лишь фильтруют воду большую часть жизни), но надеюсь, что они украсят интерьер и позволят присмотреться к ним попристальнее. Действительно, животные внесли некоторое разнообразие в жизнь обитателей аквариума. Долгое время морские тараканы с явным удовольствием играли ризомольгулами в футбол, а один из взалкавших хитонов в конце концов съел прозрачную беднягу.

Несмотря на свое внешне простое устройство, асцидии, эти мешковидные организмы, интересны уже тем, что на древе эволюции занимают промежуточное место между беспо-

звоночными животными и типичными представителями, обладающими настоящим скелетом. Известно, что в хвосте у их личинок сосредоточена хорда, нервная трубка и мышечные ленты, которые отсутствуют у взрослых форм. На этом основании асцидии по праву отнесены к низшим хордовым животным.

Есть ещё одна интересная деталь. Снаружи тело взрослой асцидии покрыто толстой кутикулой, у некоторых видов плотной, а у иных студенистой, в химическом отношении представляющей особую форму клетчатки. Это довольно редкий случай, когда у животных имеется настоящая клетчатка, присущая растениям. Из-за этой туники асцидий относят к подтипу оболочников или туникат.

Взрослые асцидии способны размножаться почкованием. Однако и половое размножение им не чуждо.

Отплавав положенное время, личинка прикрепляется передним концом к мшанкам, водорослям или просто камням и у неё полностью редуцируется хвост. Далее она сильно перестраивается и превращается в неподвижное животное, которое могут переносить лишь волны и течения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.